

П. Лаврович Лавров

Исторические письма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Лаврович Лавров**
Исторические письма / П. Лаврович Лавров – М.: Книга по Требованию, 2021. –
336 с.

ISBN 978-5-518-00654-6

ISBN 978-5-518-00654-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

P. LAVROFF: LETTRES HISTORIQUES.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

П. Л. МИРТОВА
(П. ЛАВРОВА)

~~~~~
ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ
ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ

ЖЕНЕВА
ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ ТИПОГРАФІА

—
1891

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Съ появленія перваго изданія этой книги прошло слишкомъ 20 лѣтъ и къ тому-же 20 лѣтъ весьма знаменательныхъ для нашего отечества.

Тогда была еще свѣжа проповѣдь Чернышевскаго и Герцена. Все шире и шире сатира Щедрина захватывала область „непозабытыхъ еще словъ“. Шли споры между сторонниками блестящихъ статей Писарева, съ ихъ превознесеніемъ естествознанія въ теоріи, индивидуализма въ жизни, и зарождающимися народниками, для которыхъ все заслонялось требованіемъ общественной борьбы въ виду введенія въ историческую жизнь только-что освобожденнаго русскаго крестьянина. Тогда можно было лишь смутно предчувствовать — но даже не предвидѣть — что среди разрозненныхъ, занятыхъ преимущественно самообразованіемъ кружковъ русской молодежи раздастся чрезъ три года пламенный призывъ: „въ народъ!“ подь знаменемъ, на которомъ будетъ сіять, какъ девизъ, теоретическое ученіе Маркса и Лассаля, при практическомъ требованіи „опроститься“.

Русское общество пережило съ тѣхъ поръ эту эпоху самоотверженныхъ крестоносцевъ социализма. Оно пережило то либеральное опьяненіе, съ которымъ было встрѣчено во всей Россіи оправданіе Вѣры Засуличъ. Оно пережило еще иную недолгую но грозную исторію: небольшая группа молодыхъ людей въ началѣ 80-тыхъ годовъ съумѣла слить старинную революціонную традицію декабристовъ 20-хъ годовъ съ идейной традиціей русской интеллигенціи, проповѣдывавшей въ продолженіи всего долгаго и душнаго царствованія Николая начала гуманизма и человѣческаго достоинства, при чемъ эти начала выдупились теперь изъ своего со-

стоявія либеральной личпки, чтобы развернуть крылья созрѣвшаго соціального вопроса, проникнутаго жизнью исторической борьбы классовъ. Во имя экономической и политической эмансипаціи русскаго народа „Народная воля“ вступила въ неумолимую борьбу съ русскимъ абсолютизмомъ, не считая жертвъ, которыя пришлось принести ей сторонникамъ. Но русскіе либералы, естественные враги абсолютизма, выработавъ въ прошломъ традицію борьбы идейной, выказались еще недоросшими до политической рѣшимости своихъ дѣдовъ 20-хъ годовъ отстоять свои идеи на дѣлѣ.

Тяжелую цѣной заплатило русское общество за свои ошибки. Русское соціально-революціонное движеніе врѣзало для настоящаго и для будущаго неизгладимую черту въ исторію нашей родины, но его временное подавленіе отозвалось мучительною общественною бользною. Наступила эпоха деморализаціи. Изъ рядовъ самоотверженныхъ борцовъ за будущность Россіи стали отставать утомленные и разочарованные. Къ пьемамъ пыхъ изъ этихъ вчерашнихъ борцовъ пришлось прибавлять слова: „отступникъ“, „измѣнникъ“, „предатель“. вмѣстѣ съ останками Салтыкова и Чернышевскаго, Елисеева и Шелгунова русская литература похоронила и „забытыя слова“ этихъ чуть-ли не послѣднихъ представителей идейной борьбы. Одипоки и подавлены тѣ изъ нихъ, которые остались на литературной сценѣ. Литературная „молодежь“ 80-хъ годовъ стала явно отрекаться отъ преданій Бѣлинскаго и Добролюбова. „Передовые“ писатели стали признавать своими товарищами по дѣлу сторонниковъ смутной идеалистической метафизики и защитниковъ болѣе или менѣе еретическаго христіанскаго богословія. Проповѣдь „непротивленія злу“ получила значительное число сторонниковъ. Среди русскаго студенчества громко и смѣло стали говорить карьеристы и индифферентисты. Никто изъ „приспособляющихся“ уже не стыдится своихъ уступокъ, идущихъ все далѣе и далѣе. Все живое въ Россіи, все, проникнутое рѣшимостью бороться противъ ум-

ственного растлѣнія, противъ общественнаго индифферентизма, противъ архаическихъ формъ русскаго абсолютизма и противъ капиталистическаго эксплуата-торства во всемъ цивилизованномъ мірѣ — все, сохранившее великую идейную традицію русской интеллигенціи и все усвоенное пониманіе еще болѣе могучихъ практическихъ задачъ научнаго социализма, — принуждено возвратиться къ осторожной подпольной работѣ конспиративныхъ группъ, оберегаясь не только отъ сыщиковъ явныхъ и тайныхъ, но и отъ трусливой растерянности общества, сторонясь не только отъ возможныхъ предателей, но и отъ деморализованныхъ вчерашнихъ товарищей, пытающихся въ водкѣ и въ клубничныхъ похожденияхъ потопить свое нравственное обезличеніе, и отъ новыхъ представителей молодежи, въ которыхъ заглохло самое желаніе бороться и, если нужно, гибнуть за свое идейное убѣжденіе, за свои политическія и социальныя задачи.

И вотъ послѣ этихъ-то 20 лѣтъ жизни нашего общества нашлись издатели для книги, появившейся въ 1870 г. и матеріаломъ для которой послужили статьи журнала, выходившаго въ концѣ 60-тыхъ годовъ.

Слѣдовало ли автору согласиться на предложеніе сдѣлать новое изданіе этой книги и, если оно могло представить какой-либо интересъ, то въ какомъ видѣ могло появиться это изданіе? Задачи, стоявшія передъ русскимъ писателемъ и читателемъ въ области мысли, которой принадлежитъ эта книга, или измѣнились съ тѣхъ поръ въ своей постановкѣ или замѣнились другими. Читатель начала 70-хъ годовъ самъ измѣнился, а новое поколѣніе, при различныхъ формахъ пережитыхъ имъ за это время, представляетъ немалое отличие отъ своихъ предшественниковъ. И тѣмъ и другимъ желательна, по всей вѣроятности, нѣчто иное. Новый читатель имѣетъ полное основаніе спросить себя: нужно-ли было снова издавать трудъ, пытавшійся отразить задачи русской жизни и мысли въ томъ видѣ, какъ онѣ представлялись въ концѣ 60-тыхъ го-

ловъ? Если была необходимость вернуться къ этому предмету, то не слѣдовало-ли совершенно передѣлать этотъ трудъ и представить читателю нѣчто, болѣе соответствующее и настоящему положенію русской мысли и жизни, и тому отношенію, въ которое теперь сталъ авторъ къ этой мысли и жизни, и тому обстоятельству, наконецъ, что второе изданіе появляется за границею, а не при тѣхъ условіяхъ печати, которыя лежали и лежатъ на всякомъ писателѣ и издателѣ въ предѣлахъ Россійской Имперіи? Если-же въ міръ русскихъ читателей была потребность въ новомъ изданіи этой книги, а она, отражая давно-пережитую эпоху русскаго развитія, требовала-бы теперь полной переработки, то не слѣдовало-ли издать ее совершенно безо всякихъ перемѣнъ, въ томъ видѣ, какъ она появилась въ 1870 году, когда единственные два ея экземпляра, достигшіе до автора, получены были имъ въ Парижѣ какъ разъ наканунѣ того дня, когда германская армія, обложившая Парижъ, отрѣзала его на нѣсколько мѣсяцевъ отъ сообщеній со всѣми остальнымъ міромъ, въ томъ числѣ и съ Россією?

Такъ какъ авторъ согласился на предложеніе сдѣлать второе изданіе своего труда и при этомъ не остановился ни на мысли вполне переработать его, ни на намѣреніи воспроизвести совершенно безо всякихъ измѣненій изданіе 1870 г., то онъ считаетъ себя обязаннымъ объясниться по этому поводу съ новыми своими читателями.

Книги имѣютъ свою судьбу, какъ говоритъ латинская пословица, и эта судьба, во многихъ случаяхъ, очень смутно предвидится—если предвидится сколько нибудь — авторами въ то время, когда они приступаютъ къ своему труду. „Историческія письма“ появились впервые въ „Недѣлѣ“, находившейся въ концѣ 60-хъ годовъ подъ руководствомъ хорошей личной пріятельницы ихъ автора, способствовавшей ихъ помѣщенію въ этомъ изданіи, при чемъ, насколько извѣстно автору, это помѣщеніе встрѣчало тогда порица-

ние многихъ замѣтныхъ представителей нашей передо-
 вой литературы. При этомъ имѣлась въ виду совсѣмъ
 не цѣльная книга, а рядъ отдѣльныхъ статей по во-
 просамъ, представлявшимъ вообще нѣкоторую общую
 имъ аналогію. Авторъ писалъ свои письма въ отдален-
 номъ городѣ Вологодской губерціи, и имѣлъ полное
 основаніе опасаться, что этотъ рядъ можетъ каждую
 минуту перерваться и редакція можетъ предложить
 ему „по независящимъ отъ нея причинамъ“ перейти
 къ предметамъ иного рода. Вопросы, составлявшіе со-
 держаніе отдѣльныхъ писемъ, были далеко не всегда,
 по мнѣнію автора, самые важные по существу; но
 иногда они наиболѣе занимали прессу въ данную ми-
 нуту. Авторъ далъ-бы имъ совсѣмъ иное мѣсто и
 иные размѣры, если-бы предполагалъ съ самаго нача-
 ла, что изъ этого выйдетъ болѣе или менѣе цѣльная и
 законченная книга; если-бы онъ предвидѣлъ, что на
 нее русская молодежь обратитъ то вниманіе, которое
 этой книгѣ удалось вызвать. Это было тѣмъ неожидан-
 нѣе для автора, что онъ очень хорошо самъ зналъ и
 слишкомъ часто слышалъ отъ своихъ болѣе откровен-
 ныхъ пріятелей, что его манера писать, по нѣкоторой
 отвлеченности и тяжеловатости, вообще не особенно
 привлекательна для большинства читателей. По мѣрѣ
 того какъ рядъ писемъ удлинялся, онъ и независимо
 отъ сознательнаго намѣренія автора получалъ большую
 цѣльность, концентрируясь около двухъ-трехъ глав-
 ныхъ вопросовъ, и въ мысли автора сознательно вы-
 рабатывался въ трудъ, способный поставить передъ
 читателемъ, хорошо-ли, дурно-ли, но опредѣленные
 вопросы и предложить для нихъ опредѣленное рѣше-
 ніе. Когда рядъ писемъ былъ законченъ, авторъ въ
 своей вологодской ссылке узналъ, что этотъ рядъ
 встрѣтилъ кое-гдѣ внимательныхъ и сочувствующихъ
 читателей; что его появленіе книгою можетъ имѣть
 нѣкоторый успѣхъ; что многіе находятъ это появленіе
 соответствующимъ требованіямъ читателей этой эпохи.
 Авторъ занялся переработкою отдѣльныхъ писемъ ряда

въ болѣе послѣдовательное цѣлое, какъ онъ объяснилъ это въ предисловіи къ первому изданію, и такимъ образомъ, изъ отдѣльныхъ статей „Недѣли“ конца 60-хъ годовъ произошла книга, появившаяся въ сентябрѣ 1870 г.

Не находясь въ Россіи и имѣя съ родиной весьма мало сношеній, авторъ не могъ вовсе слѣдить за успѣхомъ книги, за ея распространеніемъ, за впечатлѣніемъ, ею произведеннымъ. До него дошли лишь немногія критики. Онъ помѣстилъ въ „Знаніи“ возраженія и поясненія, вызванныя этими критиками и отчасти сдѣлалъ то-же въ „Отечественныхъ Запискахъ“ въ статьѣ о формулѣ прогресса г. Михайловскаго. Въ мартѣ 1872 г. ему было предложено сдѣлать второе изданіе этой книги въ Россіи. Онъ съ радостью принялся за это дѣло, причемъ воспользовался указаніями критическихъ статей, до него дошедшихъ, и внесъ въ поправки и дополненія болѣе или менѣе обширныя вставки изъ своихъ только-что упомянутыхъ статей въ „Знаніи“ и въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Оригиналъ втораго изданія, значительно дополненнаго и исправленнаго, но все-таки ставившаго себѣ цѣлью лишь уясненіе задачъ прогресса для русскихъ читателей въ томъ видѣ, какъ считалъ возможнымъ это сдѣлать авторъ въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ, былъ вполне готовъ къ печати; былъ отправленъ въ Россію; даже чуть-ли не было приступлено къ печатанію новаго изданія. Однако оказалось, что оно появиться не можетъ. Оно было запрещено. Тогда-же, или вскорѣ послѣ того и первое изданіе было извлечено изъ обращенія по распоряженію администраціи.

Прошло 10 лѣтъ. Авторъ узналъ, что книга сдѣлалась рѣдкостью; что ей удалось, совершенно неожиданно для автора, получить нѣкоторое значеніе въ кругу русской молодежи; что вопросы, ею поднятые, представляютъ живой интересъ въ этомъ кругу; что она имѣла на дальней родинѣ не мало читателей сочувствующихъ, „читателей-друзей“. Но именно пото-

му авторъ и не подумалъ тогда о новомъ изданіи. Ему казалось, что его трудъ конца 60-тыхъ годовъ не можетъ быть уже удовлетворителенъ; что русская мысль подвинулась впередъ въ своемъ созрѣваніи; что для русской жизни развернулись болѣе широкіе и болѣе ясныя горизонты; что русскому живому читателю нужно уже нѣчто, не только подготавливающее его къ эпохѣ общественной борьбы, но нѣчто, болѣе определенно характеризующее задачи этой борьбы; что поднятіе духа и энергическое общественное движеніе, которыя пмѣли мѣсто на нашей родинѣ въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ, вообще требуютъ совершенно новой работы, ставящей вопросы гораздо болѣе определенно и цѣльно. Ему открылась возможность помѣщать статьи въ новомъ журналѣ. Онъ рѣшился *замѣнить* „Историческія письма“ 1870 г. въ 1881 новымъ трудомъ, гдѣ тѣ-же задачи, были-бы разработаны съ той точки зрѣнія, на которую онъ считалъ возможнымъ поставить русскаго читателя въ эту эпоху. Первой статьею этого рода должна была быть „Теорія и практика прогресса“, вошедшая въ настоящее изданіе, какъ шестнадцатое письмо. Но она осталась и единственною. Журналъ „Слово“ былъ запрещенъ.*)

Прошло еще 10 лѣтъ. Автору сдѣлано было въ прошломъ году предложеніе снова издать „Историческія письма“. Выше была сдѣлана попытка характеризовать въ нѣсколькихъ строкахъ печальное состояніе русской мысли и жизни въ настоящее время по сравненію съ тѣмъ, что имѣло мѣсто въ концѣ 60-хъ и тѣмъ болѣе въ началѣ 80-хъ годовъ. Авторъ „Историческихъ писемъ“ вовсе не увѣренъ, существуетъ-ли теперь въ давно оставленной имъ родинѣ мало или много такихъ читателей, которыхъ онъ могъ-бы называть „читателями-друзьями“. Онъ не знаетъ и того, есть-ли тамъ достаточное число читателей, интересующихся тѣми вопросами, которые онъ продолжаетъ

*) Впрочемъ, насколько мнѣ извѣстно, вовсе не за мою статью.

считать однимъ изъ важнѣйшихъ для развитаго чело-
вѣка вообще и, можетъ быть, для русскаго развитаго
человѣка въ особености. Поэтому онъ не счелъ необ-
ходимымъ предложить новымъ издателямъ замѣнить
„Историческія письма“—почти исчезнувшія изъ обра-
щенія въ печатныхъ экземплярахъ и циркулирующія
въ Россіи кое-гдѣ лишь въ литографированныхъ — но-
вымъ трудомъ по тѣмъ-же вопросамъ, какъ думалъ
сдѣлать это въ 1881 г. Отказать издателямъ онъ тоже
не видѣлъ достаточной причины. Но онъ счелъ дозво-
лительнымъ принять за основанія новаго изданія не
экземпляръ 1870 г., а тотъ исправленный и дополнен-
ный оригиналъ, который былъ совершенно готовъ къ
печати и, кажется, былъ даже отчасти отпечатанъ въ
1872 г. Этому предполагавшемуся къ напечатанію въ
Россіи, но не появившемуся въ продажѣ, изданію
принадлежатъ всѣ крупныя дополненія и измѣненія,
которыя читатель здѣсь найдетъ. Но, посылая въ на-
боръ свой трудъ въ территоріи, гдѣ дѣйствуетъ рус-
ское управленіе по дѣламъ печати, авторъ не счелъ
нисколько нужнымъ удержать въ формѣ рѣчи тѣ ого-
ворки и затушевыванія, которыя неизбѣжны по всякомъ
трудѣ, издаваемомъ въ предѣлахъ этой территоріи,
были неизбѣжны и въ оригиналъ „Историческихъ пи-
семъ“ 1870 и 1872 годовъ. Во всѣхъ подобныхъ слу-
чаяхъ изданіе 1891 г. употребляетъ болѣе определен-
ное, точное и откровенное выраженіе. Авторъ восполь-
зовался случаемъ для уясненія того, чѣмъ могъ-бы
быть предположенный имъ трудъ 1881 г. по тѣмъ-же
вопросамъ, прибавивъ къ прежнимъ письмамъ 1870 г.
новое письмо, шестнадцатое, которое заключаетъ та-
кимъ-же образомъ пересмотренную статью изъ „Сло-
ва“. Почти всѣ остальные небольшія измѣненія и до-
полненія, которыя авторъ счелъ нужнымъ сдѣлать въ
этомъ новомъ изданіи, отмѣчены годомъ, когда они
сдѣланы.

Такимъ образомъ читатель этого новаго изданія „Исто-
рическихъ писемъ“ имѣетъ собственно передъ собою